

Г. В. ЕЛИЗАРОВА

Республика Беларусь, г. Гомель

«ЧЕРНЫЙ ПЕРЕДЕЛ» НА ГОМЕЛЬЩИНЕ (1917–1921 гг.)

В 1917 г. большевики, взяв курс на захват власти, выступали последовательными борцами против частной собственности, в т. ч. земельной. В действительности противником частной (помещичьей) собственности было большинство крестьян, тяготевших к «черному переделу», всеобщему уравниванию земли. «...Своеобразный мужицкий большевизм, ничего не имеющий общего ни с каким коммунизмом, но тактически с ним совершенно совпавший», использовали большевики в своей программе решения аграрного вопроса [6, 135].

Известный «Крестьянский наказ о земле», вошедший в Декрет о земле от 26 октября 1917 г., по которому право пользования землей получали все граждане России, желающие обрабатывать ее своим трудом, соответствовал идеалу крестьянской справедливости, мечте о крестьянской «стране Муравии». Этот идеал социальной справедливости традиционно выводят из специфики отношения к собственности на главный источник существования крестьянина – на землю. Главный принцип этого отношения – земля либо Божья, либо государственная, что вытекает из традиции рассматривать единственным источником приобретения имущественных прав только личный труд. В связи с этим и право пользования землей и ее плодами в крестьянской среде распространялось только на тех, кто непосредственно работал на земле.

Крестьян интересовали в первую очередь пахотно-сенокосные «нетрудовые» (помещичьи, церковные, государственные) земли как источник расширения своих хозяйств. В первый период после октября 1917 г. передел «нетрудовых» земель принял стихийно-уравнивательный характер и зависел в основном от воли и решений крестьянского общества, поскольку советская власть тогда еще не имела мощных средств давления на процесс перераспределения земли. По признанию заведующего Гомельским губземотделом В. Арнаутова, работа по землеустройству «...протекала в обстановке заброшенности и бессилия ГЗО, с которым...не считались как с крупным, весьма важным хозяйственным органом» [1, 2].

«Черный передел» проходил по-разному: в одних случаях распределялась только «нетрудовая» земля, в других – вся земля в пределах хозяйства объединялась в общий фонд, подлежащий дальнейшему уравнительному распределению. Формально в 1918–1920 гг. главной заботой земельных органов был учет реальной земельной площади и сельхозинвентаря, а землеустройство сводилось к отводу земли волостям и отдельным хозяйствам.

Всего из 520 тыс. десятин «нетрудовой» земли, учтенной Гомельским губземлеуправлением, до конца 1920 г. свыше 420 тыс. перешло в пользование крестьян-единоличников, 35 тыс. – к коллективным хозяйствам, около 40 тыс. – совхозам, 26 тыс. – госфонду. В результате площадь пахотно-сенокосных земель в пользовании крестьян-единоличников возросла до 3145 тыс. десятин (до революции – 2724 тыс.), увеличилась на 15 %, в среднем по 1,25 десятин на каждое дореволюционное хозяйство [5, 112]. Однако рост населения (масс-

массовая демобилизация, возвращение беженцев) и дробление крестьянских хозяйств не только быстро «съели» прибавку от «нетрудовой» земли, но еще более обострили земельный голод в деревне. Если в 1916 г. на одно крестьянское хозяйство на Гомельщине приходилось 5,98 десятин пашни, то к концу 1921 г. – только 5,1 [4, 53].

Отношение крестьянства к «нетрудовой» земле до конца 1920 г. можно без преувеличения назвать «варварским». Связано это было, во-первых, с опасением, что пан вернется, и опасения эти подкреплялись многочисленными эвакуациями советских органов по мере приближения фронтов. Во-вторых, перешедшие к крестьянам «нетрудовые» земли по советским законам считались во временном пользовании и подлежали дальнейшему социалистическому землеустройству. Крестьянин не знал, останется ли эта земля в его пользовании на следующий год, а поэтому не заботился о ней. Средняя урожайность ржи с 1 десятины составляла в губернии всего до 28 пудов, ячменя – 34 и картофеля – 429 пудов [1, 156]. Земельные органы признавали, что «до сих пор в губернии господствует трехполье, постепенно, но верно ведущее русское сельское хозяйство к упадку» [1, 157].

На рубеже 1920–1921 гг., когда стало ясно, что помещик не вернется, активность крестьян по использованию «нетрудовых» земель резко возросла. Сыграло свою роль и принятое в конце 1920 г. постановление СНК РСФСР о закреплении за крестьянами перешедшей к ним помещичьей земли на три года, до полного социалистического землеустройства.

Признавая полное право индивидуального пользования «нетрудовой» землей, крестьянство в большинстве случаев враждебно относилось к колхозам и совхозам, видя в них своих конкурентов. Только в Чериковском уезде в 1919 г. крестьяне разогнали 20 коммун и артелей [2, 90]. Губернские земельные органы констатировали, что крестьянство «определенно стремится под себя взять всю землю, не исключая совхозы» [3, 30].

«Черный передел» не решил проблемы малоземелья и бедности, но на практике дал возможность крестьянам реализовать собственный идеал справедливости в земельном вопросе, основанный на трудовом принципе землепользования.

1. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). Ф. 13. Оп. 1. Д. 65.
2. Там же. Д. 119.
3. Там же. Д. 1106.
4. Там же. Оп. 3. Д. 127.
5. Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 309.
6. *Чернов В. М.* Конструктивный социализм // Исторический архив. 1997. № 5–6.